

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.19>

КОНТАМИНИРОВАННАЯ РЕЧЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТИВЕНА КИНГА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

Научная статья

Мозжегорова Е.Н.^{1,*}, Громова Е.Н.², Китайкина К.С.³

¹ ORCID : 0000-0001-9719-5219;

² ORCID : 0000-0001-7416-8437;

^{1,2,3} Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (mozjelena[at]yandex.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению проблем, возникающих при переводе контаминированной речи в англоязычных художественных произведениях на русский язык. Цель исследования – выявление лингвокультурологических и жанрово-стилистических особенностей передачи контаминированной речи персонажей в произведениях С. Кинга на русский язык. В настоящей работе было рассмотрено такое понятие как «контаминированная речь» и ее существующие виды, а также проанализированы примеры перевода на русский язык диалектов, табуированной лексики, детской речи и дефектной речи в произведениях С. Кинга. Сделан вывод, что невозможно выделить единственно верный способ передачи для каждой разновидности контаминированной речи, поэтому перевод данного явления – процесс творческий и трудоемкий.

Ключевые слова: контаминированная речь, контаминированные единицы речи, дефекты речи, перевод, искажение речи, художественный перевод.

CONTAMINATED SPEECH IN THE WORKS OF STEVEN KING AS AN OBJECT OF TRANSLATION

Research article

Mozzhegorova E.N.^{1,*}, Gromova Y.N.², Kitaikina K.S.³

¹ ORCID : 0000-0001-9719-5219;

² ORCID : 0000-0001-7416-8437;

^{1,2,3} I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

* Corresponding author (mozjelena[at]yandex.ru)

Abstract

The present article is dedicated to the study of problems encountered when translating the contaminated speech in English-language works of fiction into Russian. The aim of the study is to identify linguocultural and genre-stylistic features of transferring the contaminated speech of characters in S. King's works into Russian. In this article such a notion as "contaminated speech" and its existing types were examined, and examples of translation into Russian of dialects, tabooed vocabulary, children's speech and defective speech in the works of S. King were analysed. It is concluded that it is impossible to identify the only correct way of translation for each type of contaminated speech, so the translation of this phenomenon is a creative and time-consuming process.

Keywords: contaminated speech, contaminated speech units, speech defects, translation, speech distortion, literary translation.

Введение

При переводе художественного произведения переводчик нередко сталкивается с различными отклонениями в языковом поведении, присущими персонажам. Доброкачество перевода во многом определяется полнотой его соответствия оригиналу по ряду параметров, как лингвистических, так и экстралингвистических, в частности, прагматических, к числу которых относятся и социолингвистические факторы, обуславливающие различие в речи отдельных групп носителей языка.

Одной из разновидностей отклоняющейся от общепринятой нормы речи является контаминированная речь, которая выражается через фонетические, грамматические и лексические конструкции, используемые в оригинале для придания большей экспрессивности при изображении персонажа. Присутствие данного явления в произведении имплицитно указывает не только на языковые особенности речи героев, но и на социальный статус, территориально-диалектальное происхождение или профессиональную деятельность, а также на национальность, в случае, если язык изречения персонажа не является для него родным.

В своем исследовании мы опирались на труды следующих отечественных ученых, работавших с проблематикой перекодировки контаминированной речи при переводе: Алексеевой И. С., Воронцовой Ю. А., Федорова А. В., Комиссарова В. Н., Лавровой Н. А., Лариной Т. В., Савенко Е. Н., Сизова С. Д., Солнцева К. В., Шадрухиной В. В., Шаминой Е. А. и др.

Методы и принципы исследования

Практической основой исследования послужили переводы произведений С. Кинга «Кладбище домашних животных» (переводчики В. Эрлихман и Т. Ю. Покидаева), «Оно» (переводчики В. А. Вебер и др.). Использовались

следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный метод, в ходе которого были рассмотрены тексты произведений и их перевод на русский язык, аналитический метод, в процессе которого были изучены понятия «контаминированная речь, контаминированные единицы речи», квантитативный метод. При описании различных типов перекодировки контаминированной речи было проанализировано 120 примеров из англоязычных оригиналов и более 250 примеров в русскоязычных переводах, выполненных разными переводчиками.

Основные результаты

В результате проведенного анализа перечисленных произведений нами были выявлены разновидности контаминированной речи, примеры проявления которых мы сгруппировали в соответствии с классификацией контаминированных единиц речи: диалектная речь, табуированная лексика, детская речь и дефекты речи.

Было выявлено, что многие переводчики предпочитают не передавать контаминированную речь в переводе ввиду проблематичности ее воссоздания с помощью выразительных средств языка перевода. Данный фактор объясняет выявленное процентное соотношение, где 55% исследуемых нами примеров речи на диалекте в русскоязычном переводе были подвержены нейтрализации. Диалект, как составляющая характеристики речевой деятельности персонажей и средство выразительности, используется С. Кингом довольно часто, данное явление присутствует во всех анализируемых нами произведениях автора. В романе «Dark Tower» наблюдается большое количество речи на диалекте американского английского языка, входящем в группу диалектов Восточной Новой Англии. Эти диалекты распространены на побережье Атлантики от штата Род-Айленд до штата Мэн, в котором происходят события многих произведений писателя. Основным отличием данного диалекта является связующее [r], удлинение [a]; наличие “short-words” – cot, log, fog; ряд оппозиций (tide – [toid], house – [heiz], grease – [griz]).

Пример 1. “Eddie’s initial dismay had departed-*depa-aated*, Cullum himself would have said...” [9].

«Первоначальный испуг Эдди испарился (*испа-а-рился*, как сказал бы Каллем)...» (пер. Виктора Вебера) [5].

В данном примере мы видим аналогичные буквенные изменения орфографической формы слова в оригинале и переводе, наличие которых необходимо в виду последующего пояснения – “Cullum himself would have said”. Опускание приема количественного буквенного изменения не потребовалось, поскольку протяжность гласных легко воспроизводится на русском языке.

Пример 2. “For a moment Eddie was too bemused to reply, for Cullum’s Downeast accent had turned the question into something quite different: You *takin* good care of*myka*?” [9].

«На мгновение Эдди даже не нашелся с ответом, потому что из-за местного выговора вопрос получился совсем другой: «Вы хорошо заботитесь о моей *ка* [Каллем проглотил последнюю букву в слове *car* (машина), вот и получилась *ка* (ка)]?»» (пер. Виктора Вебера) [5].

В переводах Виктора Вебера такое явление, как пояснения переводчика или переводческий комментарий, встречается довольно часто, будь то краткая характеристика известного человека, имя которого упомянуто в тексте, термины или же слова языка оригинала, особенности которых лучше всего передать описательным способом. Несмотря на то, что комментарий общепринято помещать за пределами текста перевода с применением сносок, в работах Виктора Вебера пояснения зачастую интегрированы в поток повествования, где переводческий комментарий следует сразу за явлением, нуждающимся в дополнительном объяснении. В приведенном примере вместо перевода выражения “*ofmyka*” как «о моей *машине*», переводчик применил транслитерацию («*ка*») для того, чтобы показать особенность произношения диалекта, объяснив, почему персонажа произведения сбило с толку услышанное.

И все же, несмотря на общую тенденцию к нейтрализации диалекта в данном произведении, существуют реплики, в которых переводчиком была сохранена графическая стилизация оригинала. Рассмотрим это на следующем примере.

Пример 3. ““H’row it aside!” one of them cried, its hands held up to shield its face. “Nasty bauble of the ’heep-God, h’row it aside if you dare!” [5], [7].

«– *Отб’ось* его! – прокричал один из них, прикрывая лицо руками. – Это же жалкая *поб’якушка* овечьего Бога, *отб’ось* ее, если посмеешь!» (пер. Виктора Вебера)

В данном случае наблюдается перевод с использованием эквивалента, аналогичного фонографического инструмента стилизации – апострофа и выпадения некоторых звуков. В целях сохранения «читабельности», переводчик опустил наименее значимые в плане понимания буквы слова, отсутствие которых минимально затруднит восприятие речи в целом. Сам факт сохранения графической репрезентации контаминированной речи в переводе может объясняться эпизодичностью реплик данного персонажа, поскольку редкие вкрапления отклонений от литературной нормы не окажут влияния на восприятие всего текста. Однако, ввиду не характерности данной формы графической стилизации для русского языка, переданный образ диалекта оригинала в переводе может восприниматься как дефектная речь. Отсутствие в речи героя звука [p] скорее покажется читателю признаком картавости, чем особенностью диалекта. Данный фактор является очередным показателем важности предварительного анализа проводимых трансформаций, во избежание подобного совпадения фонографических форм выражения двух разных языковых явлений.

Вторым наиболее распространенным методом является передача диалекта с помощью просторечия, схожего с ним по выполняемым в тексте художественно-стилистическим функциям, частота встречаемости которого в анализируемых нами вариантах перевода составляет 22%.

В одинаковом объеме и количестве случаев нам встретились компенсация и передача диалекта с использованием функционального эквивалента языка перевода, где частота употребления каждого приема составила 10%. Прием компенсации зачастую необходим для уточнения того, что персонаж говорит с акцентом какого-либо диалекта, когда иное графическое выражение этого явления не представляется возможным, а замена на функциональный эквивалент может выполняться как с полной заменой лексической единицы на соответствующий аналог, так и с применением фонографических средств языка перевода без изменения существующего перевода лексики оригинала.

Переводческий комментарий наблюдался в 3% найденных нами примеров передачи контаминированной речи диалекта, в основном в переводах Виктора Вебера, которому свойственно введение комментария непосредственно в поток повествования.

Говоря о переводе табуированной лексики в художественных произведениях, важно понимать, что «допустимость их употребления культурно вариативна. Что касается английской и русской коммуникативных культур, то <...> сфера употребления ненормативной лексики в английской коммуникации, где они воспринимаются как допустимые, шире, чем в русской» [8, С. 391]. В отличие от английского, в русском языке такая лексика обладает ярко выраженной негативной окраской и является недопустимой для употребления при вежливом общении. Соответственно, задача переводчика – «передать эмоциональное звучание реплики, подобрав адекватные по тональности русские языковые средства, которые при этом являются допустимыми в подобных коммуникативных контекстах» [8, С. 391]. Начнем с анализа примеров, взятых нами из романа С. Кинга «Pet Sematary».

Пример 4. ““Oh fuck,” he said dismally” [10].

«– *Черт*, – понуро проговорил Луис». (пер. Т. Ю. Покидаевой) [4].

Безусловно, f-word и его производные являются самым распространенным ругательством в английском языке, в то время как в русском языке, наиболее употребляемым переводческим аналогом является бранное слово «черт», характеризующееся более умеренной экспрессивной окраской. Поскольку дословно f-word может переводиться как вульгарное, матерное выражение, только от переводчика зависит степень обценности переведенного варианта, которая должна соответствовать контексту и литературному жанру оригинала. В контексте данного примера, излишняя интенсивность переведенного табуизма добавила бы не характерную оригинальному выражению агрессивность, поэтому перевод Т. Ю. Покидаевой является оптимально целесообразным.

Пример 5. "Lou," he said, "they need you more now than they ever have in their life. More than they ever will again, maybe. Please, man . . . I can give your wife a shot, but . . . you . . . see, Louis, you gotta . . . Oh, Christ, Louis, what a *cock-knocking, mother-fucking* mess this is!" [10].

«– Лу, сейчас ты им нужен как никогда в жизни. Я тебя очень прошу, дружище... твоей жене я могу сделать укол, но... ты... понимаешь, Луис, тебе нужно... о Господи, Луис, это просто какая-то *катастрофа!*» (пер. Т. Ю. Покидаевой) [4].

«– Лу, теперь ты нужен им больше, чем когда-либо. Может, даже больше, чем когда-нибудь в жизни. Постарайся... Я могу повлиять на твою жену, но ты... видишь ли, Лу... о Боже, как же все это *ужасно!*» (пер. В. Эрлихмана) [3].

В представленном примере мы можем видеть табуизмы весьма высокой степени экспрессивности. В обоих переводах ненормативная лексика опущена, вероятно в виду соответствующей ситуативности контекста, где употребление подобных ругательств было бы неуместным и вульгарным. Также, первое выделенное в отрывке оригинала выражение является лакуной для русского языка, где его прямой перевод отсутствует, поэтому самым оптимальным вариантом является передача смысла фразы через обобщение, например, как в первой версии перевода – «*катастрофа*».

Табуированной лексике как разновидности контаминированной речи свойственна необходимая выборочность при переводе, и если в случае с такими явлениями как диалект, детский язык, дефектная речь и т. д. избирательная передача связана со сложностью воспроизведения феномена на языке перевода, то селективность изображения ненормативной лексики обусловлена различиями национального менталитета и, соответственно, преемственности введения табуизмов в русскоязычные литературные произведения, или же в переводы. Стремление переводчиков к полноценной передаче авторского замысла и, одновременно с тем, соблюдению литературных и этических норм художественных произведений русского языка объясняет широкое использование адаптации при переводе обценной лексики, частота применения которой составила 44% в исследуемых нами примерах. Под адаптацией понимаются различного рода корректировки содержания и формы текста, в целях его «приспособления» для восприятия читателя. В нашем исследовании в роли адаптации выступала редукция экспрессивности лексических единиц оригинала с заменой вульгарной лексики на функциональные аналоги, характеризующиеся менее высокой степенью ненормативности, но несущие синонимичное значение. При применении приема нейтрализации, который составил 26%, переводчик либо полностью устраняет бранный характер переводимого выражения, передавая его с помощью литературной нормы, либо, при наличии такого, использует смысловой аналог, не считающийся в русском языке табуизмом, но имеющим схожие функции (например, грубопросторечные обороты речи). Следующим методом отображения табуированной лексики является перевод с использованием эквивалента, составивший 20%. Эквивалентный перевод в этом случае зависит от стиля переводчика и его позиции относительно литературной нормы. Однако, следует отметить, что с постепенным расширением границ дозволенной словесной экспрессивности в рамках русскоязычной художественной литературы, появляется все больше переводчиков, задействующих единицы лексических слоев, считавшихся ранее нерелевантными по отношению к тому или иному стилю. Опущение встретилось нам в 10% анализируемых примерах, что зачастую объяснялось несообразностью реализации дословного перевода обценной лексики в связи с ситуативностью контекста.

Что касается стилизации детской речи, то в художественном произведении самым распространенным способом ее фонографической стилизации является графическая репрезентация искажения фонетической структуры слов, поскольку ребенку характерно неверное распознавание фонетической структуры на слух и/или неумение адекватно воспроизвести ее. Начнем с рассмотрения явления детской речи на примере произведения С. Кинга «Pet Sematary».

Пример 6. “PET SEMATARY” [10]

«КЛАТБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖЫВОТНЫХ». (пер. Т. Ю. Покидаевой) [4].

Пример 7. “IN MEMORY OF MARTA OUR PET RABIT DYED MARCH 1 1965” [10].

«ПАМЯТИ МАРТЫ, НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ КРАЛЬЧИХИ, УМИРШЕЙ 1 МАРТА 1965» (пер. Т. Ю. Покидаевой) [4].

Как мы можем видеть даже по названию романа, основным методом фонографической стилизации детской речи как в оригинале, так и в переводе выступают различные буквенные изменения орфографической формы слова, где, в представленном примере, орфографические ошибки являются указателем на незнание детьми правил правописания. Однако особенности детской речи не сводятся исключительно к фонетическим отклонениям от нормы. В качестве фонографических средств в тексте могут воспроизводиться и грамматические (такие как выражение временных отношений, использование темпоральных маркеров и т. д.) и лексико-семантические особенности детской речи.

Детской речи также свойственно растягивание звуков и нередко нестабильность гласных в речи, из-за их удлинения или деформированного произношения:

Пример 8. "At last Gage said, "Hi, *Dayee*" [10].

«Наконец Гейдж произнес: – *Пливет*, папа». (пер. Т. Ю. Покидаевой) [4].

Фонографическая стилизация (ФС) особенностей звучания детской речи характерна как для англоязычной, так и для русской литературы, поэтому перевод таких примеров, как правило, не вызывает затруднений. Для русскоязычного фонографического изображения не характерно передавать изменение характера гласных, что мы можем наблюдать в данном переводе на примере слова «*пливет*», которое переводчик выбрал для передачи фактора отклонения от нормы, вместо слова «*папа*». Так как методом ФС был выбран аналогичный тому, что в оригинале, его применение на слове «привет» является более выполнимой задачей, поскольку такая подмена звуков характерна для «фонетического дефицита» детской речи в русском языке: [p]^[л]. Отражение же контаминированной речи через слово «папа» возможно с использованием деминутива, уменьшительно-ласкательной формы «папочка», «папуля» и т. д. Компенсации такого рода являются целесообразными ввиду того, что в детской речи часто встречаются слова уменьшительно-ласкательного значения, а их спектр в русском языке характеризуется большим разнообразием, чем в английском.

Последняя, не менее важная разновидность контаминированной речи, которую мы анализируем, затрагивает примеры с наличием в речевой деятельности персонажей временных или постоянных дефектов речи и их перевод на русский язык.

Один из главных персонажей произведения С. Кинга "It", Билл Денбро, обладает ярко выраженным заиканием, проявляющимся почти в каждой реплике этого героя. Мы проанализировали особенности воспроизведения этого дефекта речи в оригинале и специфику его передачи на русский язык на примере нескольких вариантов перевода.

Пример 9. "It's on the cellar *shuh-shuh-shelf* as you go *d-downstairs*," Bill said. "In a box that says *Guh-Guh-hulf* . . . Gulf. Bring that to me, and a knife, and a *b-bowl*. And a *puh-pack* of *muh-muh-matches*" [9].

«– В подвале на *по-о-олке*, как только спустишься вниз, – ответил Билл. – В жестянке с надписью «*Га-а-алф*»... «Галф». Принеси мне жестянку, нож и миску. И *ко-о-оробок* спичек». (пер. Виктора Вебера) [5].

«– На полке в подвале, спустись туда, – сказал Билл. – В коробке, на которой написано: «*Гггалф*». Принеси ее мне, и нож, и *ммиску*, и *ппачку* спичек» [6].

«– В *п-погреб*е на полке. Как спустишься вниз, в *к-коробке*, *г-где* написано «Залив». *П-принеси* еще нож и миску. И *к-коробок* спичек» [7].

«Формально принято выделять две формы заикания: тоническую, при которой возникает пауза в речи либо какой-то звук растягивается, и клоническую, характеризующуюся повторением отдельных звуков, слогов или слов» [1].

В представленном примере, в оригинале мы можем видеть клиническую форму заикания персонажа, специфические фонографические черты выражения которой сохраняются на протяжении всего произведения. В первом варианте перевода наблюдается передача заикания с запинанием на согласных звуках с помощью перемещения этого акцента на гласные, что не считается характерным для данного дефекта речи в рамках русского языка. Ввиду свойственных гласным звукам фонетических особенностей, такое повторное воспроизведение совпадает с графическим изображением их протяжности, что является нежелательным эффектом. Во втором варианте перевода объем присутствующей в оригинале контаминированной речи был значительно сокращен, а форма ее графического оформления не соответствует общепринятым литературным стандартам, целесообразным в соблюдении для качественного перевода. Третья версия перевода обладает наиболее корректной графической формой реализации заикания, однако смысловая передача в этом случае имеет явно выраженные недочеты. В оригинальном отрывке фигурирует слово "downstairs", которое первый и второй переводчик перевели как «подвал», между тем, третий переводчик применил слово «погреб», который в реалиях американской самобытности в основном используется в сочетании «винный погреб», а предназначение погреба в качестве помещения универсального места хранения скорее относится к русскому национальному своеобразие.

Пример 10. "'Dat's *wight*, *wabbit*," Tozier said, and walked away" [9].

«– Ты *пгаф*, *кголик*, – ответил Тозиер и удалился». (пер. Виктора Вебера)

«– Да, кролик, – сказал Тозиер, *картавя*, и ушел» [6].

«– Точно тебе говорю, братец кролик, – уверил его Ричи и направился по своим делам» [7].

В представленном примере в оригинале присутствует фонографическая стилизация, указывающая на картавость персонажа произведения, выраженная с помощью замены звука [r] на [w]. В переводах, соответствующие фонографические инструменты, указывающие на отклонения от нормы, присутствуют только в первом анализируемом нами варианте. Тем не менее, по нашему мнению, воссозданная переводчиком графическая форма дефектной речи имеет большее сходство с гнусавостью, чем с картавым произношением, хотя мы признаем, что существуют разные графические способы изображения даже одного, отдельно взятого дефекта с применением замены звука [r] звуками [r], [w] или [l]. Во втором варианте перевода мы наблюдаем прием нейтрализации и последующей компенсации, заключающиеся, с одной стороны, в отсутствии каких-либо указателей на неправильность речи, а с другой стороны, в добавленном переводчиком пояснении, что персонаж говорил «картавя». В третьей версии перевода наблюдается полная нейтрализация контаминированной речи, что зачастую может грозить потерей какой-либо части смысловой

составляющей задумки оригинала, в случае если речевые отклонения играют весомую роль в создании портрета речевой деятельности персонажа или же выступают в качестве одного из основных художественных выразительных средств.

Обсуждение

В контексте перевода художественного произведения одной из первостепенных задач переводчика является качественная и полноценная передача образа персонажей, важнейший способ выражения которых представляет собой их речевая деятельность. Переводчик зачастую сталкивается с наличием у героев множества индивидуальных произносительных особенностей и массы других специфических характеристик речевого поведения, для изображения которого нередко используются различного рода отклонения от языковой нормы – контаминированная речь.

Исследователями выделяются следующие функции контаминированных единиц в художественном тексте:

1) «выступают в роли основного языкового средства текста – в качестве авторской речи и прямой речи персонажей;

2) в качестве индивидуальной речевой особенности персонажей;

3) как отдельные вставки для создания колорита» [2, С. 147].

При отображении в художественном тексте контаминированной речи, возникает вопрос о её передаче средствами другого языка, которая, в силу причин своего дефектного характера, может представлять значительные сложности. В настоящее время данная проблема не является до конца изученной. Кроме того, исследование особенностей передачи периферийных языковых особенностей перевода контаминированных единиц речи средствами другого языка позволит установить определенные закономерности между соответствиями и различиями языковых систем английского и русского языков в использовании контаминантов как средства выразительности.

Заключение

Результат исследования показал, что вывести уникальную закономерность или план работы при переводе контаминированных речевых форм не является возможным, поскольку в зависимости от типа отклонений методы отображения контаминированной речи разнятся. Тем не менее нам удалось выяснить, какие способы чаще остальных могут применяться для передачи той или иной формы контаминированной речи при переводе с английского языка на русский.

Широкое использование переводчиками функционального эквивалента объясняется простотой изображения таких отклонений от нормы, как картавость, заикание, шепелявость и т.д., для которого требуется провести бесхитростные манипуляции с применением количественных и качественных буквенных изменений. Сложность заключается в соблюдении присущего каждому по отдельности дефекта оформления, специфика которого меняется не только в зависимости от вида дефектной речи, но и, само собой разумеется, от языка, на котором говорит персонаж и его индивидуальных особенностей речевого поведения. Что касается нейтрализации и компенсации, данные приемы в большинстве случаев применяются переводчиками в тандеме друг с другом. Нейтрализация также встречается без сопровождающей экспликации, что является позволительным или даже желательным, если речь с дефектами носит эпизодичный характер и не относится к основным выразительным средствам, таким как инструмент создания автором портретов речевой деятельности основных персонажей произведения.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Белякова Л.И. Заикание / Л.И. Белякова, Е.А. Дьякова. — М., 1998. — 301 с.
2. Громова Е.Н. Особенности перевода контаминированной речи в произведениях С. Кинга на русский язык / Е.Н. Громова, К.С. Китайкина // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и зарубежной литературы. — Чебоксары, 2022. — С. 146-151.
3. Кинг С. Кладбище домашних животных / С. Кинг; пер. с англ. В. Эрлихмана. — М.: АСТ, 2012. — 348 с.
4. Кинг С. Кладбище домашних животных / С. Кинг; пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой. — М.: АСТ, 2016. — 480 с.
5. Кинг С. Оно / С. Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 1245 с.
6. Кинг С. Оно / С. Кинг // Bestbooks. — URL: <https://bestbooks.cc/ono> (дата обращения: 08.09.2023)
7. Кинг С. Оно / С. Кинг // Stiven King Books — URL: <https://stivenking-knigi.ru/page/ono> (дата обращения: 08.09.2023).
8. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 507 с.
9. King S. It / S. King. — Viking Press, 1986. — 1138 p.
10. King S. Pet Cemetery / S. King. — New York: Doubleday, 1983. — 374 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Beljakova L.I. Zaikanie [Stuttering] / L.I. Beljakova, E.A. D'jakova. — М., 1998. — 301 p. [in Russian]
2. Gromova E.N. Osobennosti perevoda kontaminirovannoj rechi v proizvedenijah S. Kinga na russkij jazyk [Specifics of Translation of Contaminated Speech in S. King's Works into Russian] / E.N. Gromova, K.S. Kitajkina // Aktual'nye voprosy mezhkul'turnoj kommunikacii i zarubezhnoj literatury [Topical Issues of Intercultural Communication and Foreign Literature]. — Cheboksary, 2022. — P. 146-151. [in Russian]
3. King S. Kladbishhe domashnih zhyvotnyh [Pet Cemetery] / S. King; transl. from English by V. Erlichman. — М.: AST, 2012. — 348 p. [in Russian]
4. King S. Klatbishhe domashnih zhyvotnyh [Pet Cemetery] / S. King; transl. from English by T.Yu. Pokidaeva. — М.: AST, 2016. — 480 p. [in Russian]
5. King S. Ono [It] / S. King; transl. from Eng. by V.A. Veber. — М.: AST: Astrel', 2011. — 1245 p. [in Russian]
6. King S. Ono [It] / S. King // Bestbooks. — URL: <https://bestbooks.cc/ono> (accessed: 08.09.2023) [in Russian]
7. King S. Ono [It] / S. King // Stiven King Books — URL: <https://stivenking-knigi.ru/page/ono> (accessed: 08.09.2023). [in Russian]
8. Larina T.V. Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij [The Category of Politeness and Communication Style. Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions] / T.V. Larina. — М.: Manuscript monuments of Ancient Russia, 2009. — 507 p. [in Russian]
9. King S. It / S. King. — Viking Press, 1986. — 1138 p.
10. King S. Pet Cemetery / S. King. — New York: Doubleday, 1983. — 374 p.